

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

MODERN PHILOSOPHY

УДК: 141.319.8

DOI: 10.31249/chel/2023.04.01

Кимелев Ю.А.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Россия, Москва*

Аннотация. Цель статьи состоит в том, чтобы представить актуальное состояние философской антропологии посредством анализа некоторых ее наиболее значимых составляющих. Речь идет об анализе проблемной ситуации следующих областей философской антропологии: философия сознания как проблематика отношений ментальности и тела; субъектность; субъект.

Ключевые слова: философская антропология; области философской антропологии; проблемная ситуация; проблематика отношений ментальности и тела; субъективность; субъект.

Поступила: 01.06.2023

Принята к печати: 20.07.2023

Kimelev Yu.A.

Philosophical Anthropology. Current status

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow*

Abstract. The purpose of the article is to represent the current state of Philosophical Anthropology. It is to be achieved by means of analysis of some of its major

spheres. It implies the analysis of the so-called “problem situation” of the following spheres: the mind-body issue; subjectivity; subject.

Keywords: Philosophical Anthropology; spheres of Philosophical Anthropology; problem situation; mind-body problem; subjectivity; subject.

Received: 01.06.2023

Accepted: 20.07.2023

Введение

Цель статьи – представить актуальное состояние философско-антропологического исследования. Оно весьма разнообразно и плюралистично. По этой причине в качестве средства достижения указанной цели выбран анализ ряда значимых областей, причем в форме реконструкции их проблемной ситуации.

«Философская антропология» – это обозначение пути философского познания сущности человека как его типичного бытийного гештальта, внутренней структуры и базовых форм отношения к миру. Стремление концептуализировать «сущностный образ человека», решить философско-антропологическую задачу в ее традиционном понимании, реализовывалось на всем протяжении XX в. в рамках различных направлений и философских дисциплин. Такая ситуация сохраняется и в первые десятилетия XXI в.

Стремление к постижению «сущности человека» может квалифицироваться как традиционный общий ориентир философской антропологии. Сущностная определенность человека задается сочетанием и отношениями базисных физических, биологических, психических, интеллектуально-духовных элементов. Часть из них предстает как необходимые физические и биологические условия возможности человеческой формы бытия. Еще один набор таких элементов относится к *сознательной жизни человека*. Сознательная жизнь выполняет функцию интеграции индивидуальной антропологической ценности. Кроме того, она выполняет функцию сознательного взаимодействия со средой, а также и оформления социального способа существования, в том числе культурного творчества.

Специфика бытия человека всегда так или иначе увязывается с его сознанием, как бы ни понималась природа человеческого сознания. С известными оговорками можно утверждать, что тра-

диционное общее понимание философско-антропологической проблематики как определения положения человека в мире или космосе есть реализация стремления определить природу и место человеческого сознания в мире. Это обстоятельство фундаментальной важности определяет выбор объекта исследования и его структурирование в данной работе. Представляется, что исследовательское поле философско-антропологической мысли, наиболее интенсивно разрабатываемое в настоящий период, можно разделить на несколько основных проблемных комплексов.

Первый образуется современными концептуализациями отношений между сознанием и телом, между ментальностью и телом. В определенной мере речь идет о традиционной психофизической проблеме, а также о традиционной теме отношений между человеком и природой. Своеобразие современной ситуации данного проблемного комплекса связано во многом с интенсивным изучением мозга в науке.

Второй комплекс формируется проблемами субъектности, интериорности, сознания, самосознания. Правомерность постановки и позитивного решения этих проблем нередко оспаривались в XX–XXI вв. [D'Agostini, 1999].

В третий комплекс имеет смысл выделить проблематику субъекта как проблематику отношения человека к миру, к бытию, проблематику «в мире – бытия» человека. Особое измерение такой проблематики составляет социальное поведение, рассматриваемое как социальность и историчность существования человека, а также как социальная агентность человека.

Как правило, проблематика «субъекта» и проблематика «субъектности» рассматриваются совокупно. При этом в качестве ведущего или преобладающего понятия используется либо одно, либо другое.

У подобного подхода есть правомерные основания. Ведь во всех случаях речь идет о преобладании философского интереса к «самостной» и «сознательной жизни» человека. Признавая правомерность такой позиции, автор считает более продуктивным дифференцированный подход. Целесообразно раздельно рассматривать проблематику субъектности «субъекта» и проблематику «субъектности» – конечно, там, где это возможно.

Философско-антропологическая мысль и науки

Анализ проблемной ситуации философско-антропологической мысли в настоящее время должен включать как компонент расмотрение отношений между этой мыслью и науками. Исследование таких отношений в настоящее время должно так или иначе соотноситься с тем обстоятельством, что человек практически полностью стал объектом эмпирических наук [Honorefelder, 1990]. Этот процесс восходит к XIX в., когда человек стал объектом биологического, психологического и социологического научного изучения. В связи с этим возникает непростой вопрос, в состоянии ли наука, точнее науки, изучающие человека, сами по себе, безотносительно к философии решать задачи определения сущности человека.

Науки, в частности нейронауки уверенно наделяют себя способностью разрешить важнейшую теоретико-антропологическую проблему сознания – если не сейчас, то в будущем. Речь идет о том, что они считают возможным решить в принципе «центральную проблему сознания» – может ли, а если может, то каким образом, сознание возникнуть из материи.

Отношения между философско-антропологической мыслью и науками определяются и тем обстоятельством, что в настоящее время поставлена под сомнение способность философии осуществлять некоторые традиционно важные функции в плане взаимодействия с науками. В качестве первой из таких функций следует указать функцию философского основоположения для эмпирико-научных исследований. Эта функция включает возможность разработки своего рода «рамочной философско-антропологической теории» как сопровождения конкретных исследований при изучении человека.

Если первая из функций, о которых идет речь, может присутствовать в тех крайне малочисленных теориях, притязывающих на создание целостного философского «образа человека», то осуществление другой традиционной функции философии – функции синтеза – в отношении эмпирико-научного антропологического познания представляется практически, если не принципиально, делом нереальным. Прежде всего, в силу необозримости результатов в соответствующей области познания. Кроме того, существуют

принципиальные трудности и метатеоретического характера, неизбежные при попытке создания теории, способной служить основой осуществления искомого синтеза.

Таким образом, если отказаться от радикальных позиций, провозглашающих способность либо философии, либо науки автономно разрабатывать антропологическую проблематику, то появляется задача сконструировать «совместный дискурс» для философии и науки, в частности нейробиологии. Необходимо определить нейробиологические условия ментальной деятельности, но при этом следует отказаться от нейробиологического детерминизма и не редуцировать ее к таким условиям.

Ментальность / тело, телесность

Очевидные успехи науки во многом определяют актуальную повестку философской антропологии. В этом плане ярким примером служат поразительные результаты изучения мозга в современных науках. Отношение между ментальной деятельностью человека и субстанцией его мозга образует ключевой пункт проблем сознания. Это же обстоятельство определяет особенности актуальных подходов в рамках давней психофизической проблематики.

Представляемая научная картина Вселенной исключает все, кроме материи. Становится все труднее предполагать, что будущие открытия радикально изменят такую картину Вселенной. Ментальные явления в конечном счете станут частью физической теории, как считают многие философы, и свойства, выражаемые ментальными предикатами, окажутся физическими свойствами.

Суть проблемы в том, что без мозга нет психической жизни и сознания, без четко функционирующего мозга нет самосознания. С одной стороны, ментальные явления не сводимы к тому, что мы в состоянии узнать о мозговой субстанции, а с другой стороны, ментальные явления не существуют, невозможны без этой субстанции.

В зарубежной философии исследование проблематики отношений между ментальностью / сознанием и телом осуществляется в основном в двух крупных образованиях: в аналитической философии – в рамках аналитической философии сознания [Кимелев, 2014, 2015, 2019а, 2019б] и в континентальной философии – в рамках

различных теорий широкого философско-антропологического профиля, например, французской так называемой экзистенциальной феноменологии [Кимелев, 2014, 2015, 2019а, 2019б].

Анализ дискуссии, ведущейся в аналитической философии сознания, позволяет выделить несколько значимых моментов. Отметим прежде всего, что эта дискуссия ведется в основном на базе натуралистской, физикалистской материалистической онтологии [Rorty, 1987]. С философско-антропологической точки зрения это означает, что человек в его целостности понимается как существо физическое. Ментальность философски определяется через соотнесение с физической и биологической природой человека: или через указание ее специфики по отношению к физическому или через отождествление с физическим, или через отрицание ее существования на основе редукции к физическому.

Концептуализация отношений между ментальностью и телом представляет собой главную философско-антропологическую исследовательскую программу в рамках аналитической философии сознания. В контексте разработки данной проблематики человек фактически предстает в целостности своей природы. Кроме того, исследование данной проблематики представляет собой попытку решения ключевого вопроса о «положении человека в природе», поскольку это и проблема отличия человека от других существостей.

Проблематика отношений ментальности и тела

Проблемная ситуация в области отношений между ментальностью и телом¹ определяется главным образом разработкой типологий этих отношений. В основе таких типологий лежат несколько базисных позиций. Возможны различные типологии. Предлагаемая реконструкция является одной из них, она обусловлена задачами данной статьи.

¹ Мы будем ориентироваться на следующую конвенцию. Слово «ментальность» будет соответствовать английскому слову *mind*, а слово «сознание» – английскому *consciousness*. С определенными оговорками эту конвенцию можно распространить и на другие языки, прежде всего романские, где можно указать на соответствующее сочетание слов с присущими им семантическими различиями.

1. Есть только физические сущности, все их свойства являются физическими. Мир образует замкнутое в каузальном, номологическом, объяснительном отношении физическое целое. Такая позиция может обозначаться как «материализм». Она может также характеризоваться как «монизм свойств», как «субстанциальный монизм».

2. Есть физические и ментальные сущности. Дуализм предстает в двух формах – как дуализм субстанций и как дуализм свойств. Дуализм субстанций иногда называют картезианским дуализмом или даже «интерактивным дуализмом». Дуализм свойств – возврение, в соответствии с которым есть два вида свойств объектов, которые являются метафизическими различными. Есть физические и ментальные свойства. Если свойство ментальное, то оно как ментальное не может быть физическим. Если это физическое свойство, то оно как физическое не может быть ментальным.

Между ментальностью и теми событиями, в которых она участвует, с одной стороны, и телом с его состояниями – с другой, существует однозначная противоположность. Тело материально, а ментальность нематериальна. Материальное включает все то, что противопоставляется ментальному: например, нейрологические, биологические объекты и свойства. Дуалисты полагают, что материальные объекты и события являются по своей природе физическими, а ментальные объекты и события не могут быть физическими и потому не являются материальными. Иногда утверждается, что ментальные события являются эпифеноменальными по отношению к физическим событиям. Дуалистская позиция воплощает принцип, в соответствии с которым ментальные события и свойства не могут редуцироваться к физическим событиям и свойствам, соответственно в их терминах не могут объясняться через посредство ментальных событий и свойств.

При ориентации на такую позицию чаще всего стремятся объяснить сознание и интенциональность как важнейшие свойства ментального. В соответствии с преобладающими взглядами сознательные ментальные состояния являются по своему характеру субъективными приватными и качественными в смысле непосредственного знания о том, «что это значит быть чем-то или кем-то». Подобные свойства сознания не могут редуцироваться к физическим, объясняться в терминах физических свойств, поскольку эти

последние по своему характеру являются объективными, интерсубъективно доступными, у них нет качественных характеристик в упомянутом смысле.

Итак, при рассмотрении дискуссии по проблеме отношений между ментальностью и мозгом, ведущейся в аналитической философии сознания, в философско-антропологической перспективе можно отметить прежде всего то, что эта дискуссия ведется в основном на базе материалистической онтологии [Кимелев, 2014, 2019б]. С философско-антропологической точки зрения это означает, что человек в его целостности понимается как существо физическое в широком смысле слова.

Определение онтологического места и статуса человеческой ментальности / сознания – это стремление решить философско-антропологическую задачу, поскольку специфика бытия человека всегда так или иначе увязывается с его сознанием, как бы ни понималась природа человеческого сознания. С известными оговорками можно утверждать, что традиционное общее понимание философско-антропологической проблематики как определения положения человека в мире или космосе есть в первую очередь стремление определить природу и место человеческого сознания в мире.

В последнее время фактически в отдельный раздел проблематики отношений между ментальностью и телом оформились метатеоретические вопросы относительно тех затруднений, с которыми приходится сталкиваться при исследовании этой проблематики [Кимелев, 2014, 2019а, 2019б]. Источник неудовлетворительности полученных теоретических результатов ищут в принципиальных конститутивных ограниченностях человеческих способностей постичь столь озадачивающий и сложный объект, как сознание.

Пытаясь решить проблему отношения тела и ментальности, следует стремиться к определенному знанию, при этом встает вопрос, что же это за знание и можно ли его действительно приобрести. Вспоминают вопросы о том, каким образом формируются понятия сознания и мозга.

Понятия, постигающие сознание, формируются у познающего посредством рассмотрения его собственных внутренних состояний, т.е. посредством актов самосознания. А мозг изучается так же, как изучаются другие материальные объекты. Соответственно, подход, базирующийся на интроспекции, и подход, базирующийся

на восприятии и наблюдении, разделены существенным образом. Когнитивные способности человека непригодны для постижения того, что связывает ментальность с мозгом. Эти способности в состоянии постичь термины отношения, но не само отношение.

Если в какой-либо сфере познания нет реального продвижения, то возникает вопрос о том, а не достигнут ли предел в этой сфере. Вполне возможно, что постоянные затруднения в понимании сознания и его отношения к телу свидетельствуют о пределе познавательных возможностей в данной сфере. Идея о могуществе человеческого познания связана во многом с успехами физических наук. Однако нет гарантий, что понятия и методы, оказавшиеся успешными в сфере физических наук, окажутся столь же успешными в сфере познания ментальности. Предположение о том, что требуется лишь время для познания природы сознания, может найти подтверждение только в том случае, если сознание является физическим по своей природе. Однако в этом пока не удается удостовериться.

Таким образом, можно сделать вывод, что метатеоретические усилия в области отношений ментальности и тела демонстрируют преимущественно ее гностическую и скептическую тенденцию.

Субъектность, самосознание

Философско-антропологическое исследование ориентировано на поиск «сущности» человека, на определение его особого положения «в бытии», а также на определение специфики отношения к миру. Особенность человека чаще всего связывается с *осознанным* характером его существования, с тем, что он *осознанно* ведет свою жизнь. Традиционно это выражается в указании на «субъектность» и «субъективность», философски тематизируемые как «самосознание» человека.

Может создаться впечатление, что субъектность как самосознательное существование естественным и спонтанным образом знакомо нам изнутри, причем настолько, что вопросы об онтологическом статусе субъектности представляются на деле излишними. Вместе с тем философы задаются вопросом о том, а не являются ли те факты, относительно которых у нас есть чувство полной достоверности и известности, в действительности наиболее со-

крытыми из феноменов мира. К вопросам о связи феноменов сознания и самосознания следует добавить прежде всего вопросы о том, каким образом благодаря им становится видимым и в определенной мере осознаваемым то, что пребывало в темноте и было лишено сознания.

Проблемная ситуация с самосознанием связана с вопросом о характере знания о самом себе, которым обладает индивид. Субъектность понимается главным образом как самосознание, а самосознание понимается как *знание особого рода*.

Здесь особое проблемное поле. То знание, в силу которого мы вообще обладаем каким-то отношением к самим себе в нашем знании, не подпадает под объективирующий свет, как это происходит с наблюдаемыми объектными сферами или формальными системами. Что бы ни понималось под «субъектностью», речь идет о том, что изначально и сущностно известно и лишь в силу такой известности способно вступить в понимающее и эксплицитное самоотношение. «Изначально» значит, что самосознание не выводимо из чего-либо, что предшествовало бы ему. «Сущностно» значит, что самосознание не могло бы отсутствовать, причем так, что субъектность продолжала бы свое существование. Известность (сознание самого себя) образует непременное условие субъектности. Какое-либо психическое качество не могло бы существовать таким образом, чтобы оно не было известно. Бытие и знание о бытии полностью совпадают в самосознании. Это свойство спонтанного для-себя-бытия психических состояний кажется более изначальным, чем те формы эксплицитного и концентрированного поведения по отношению к самому себе, которые философская традиция называет рефлексией и к которым мы постоянно обращаемся в философском дискурсе о субъектности [Кимелев, 2014, 2015, 2019а, 2019б; Кимелев, Полякова, 2017].

Описанное положение дел находит выражение в теоретической позиции, исходящей из базисного убеждения, что самосознание не носит объективный характер, его изначальное свершение происходит нерефлексивным образом и не опирается на данности самовосприятия, которые можно было бы сообщить другим. Под «самосознанием» понимается непосредственная, т.е. не-предметная, не-понятийная, не-пропозициональная «известность» индивида самому себе.

В соответствии с другой базисной, более традиционной позицией проводится различие между сознанием и «знанием о самом себе». Знание о самом себе не есть какой-то изначальный факт. Оно предполагает самосознание, соответственно, знание о самом себе представляет собой «рефлексивную форму» самосознания. Это эксплицитная, понятийная и предпринимаемая в перспективе опредмечивания тематизация содержаний психической жизни «я».

Реконструкция базисных позиций показывает, что в контексте проблемной ситуации ключевой вопрос заключается в том, является ли субъектность чем-то оптически несомненным, сущностной антропологической константой, или она представляет собой культурный конструкт. Реконструированные позиции фактически отвечают на такой вопрос. Во-первых, утверждается *существование* такой сущности, как «самосознание». Во-вторых, указывается базисная характеристика такой сущности – это *знание* особого рода, о котором можно говорить еще до всякой конкретизации.

Многообразные формы критики в адрес теорий субъектности [Кимелев, 2019а, 2019б; Кимелев, Полякова, 2017], более того, в адрес смысла понятия самосознания исходят зачастую из редуцированных представлений о самосознании. Некоторые воззрения такого рода само речь о самосознании или «я» рассматривают как процедуру гипостазирования [Кимелев, 2014, 2015, 2019а, 2019б; Кимелев, Полякова, 2017]. В связи с этим целесообразно напоминание о тех феноменах самосознания, которые воспринимаются как непроблематичные в повседневном и научном опыте. Отрицание таких феноменов делает непонятными некоторые важные неустранимые элементы самопонимания, а также формы поведения людей по отношению к миру, их социального поведения.

Люди не просто живут, они ведут свою жизнь исходя из знания о самих себе. В силу этого их самосознание носит элементарный и непосредственный характер по отношению ко всему тому, что делает их людьми как таковыми. В то же время оно не является недифференцированным. О сложном устройстве самосознания свидетельствует вся историческая жизнь человечества. Отрицание самосознания означает на деле отрицание того принципиально важного философско-антропологического положения, что человек не просто существует, но должен *вести* свою жизнь в знании о себе самом. И это положение на деле не подвергается отрицанию.

Принципиальная возможность вести жизнь в знании о себе самом опирается на способность сознания человека участвовать в управлении собственным организмом.

В завершение анализа сферы субъектности, проблемной ситуации этой сферы следует отметить, что поиск решения соответствующих проблем осуществляется, главным образом, посредством различных форм консценциализма, т.е. через рассмотрение природы сознания, прежде всего самосознания и субъектности сознания. В то же время множится число критиков консценциализма в его традиционных и современных разновидностях [Кимелев, 2014, 2015, 2019а, 2019б; Кимелев, Полякова, 2017].

Субъект

Проблематика субъектности в принципе способна вмещать в себя большую часть проблематики, которая обсуждалась выше. На это обстоятельство уже было указано. Была отмечена также целесообразность более дифференцированного подхода, в том числе в словоупотреблении. В рамках данного сегмента статьи вопросы «субъектности» анализируются как вопросы когнитивного, поведенческого и деятельностного отношения к миру. Однако неправомерно характеризовать отношение человека к миру, к бытию только в терминах субъектности. Такая теоретическая характеристика является одной из возможных или даже только указанием на определенную модальность «в мире бытия» человека. Именно в такой перспективе современная проблемная ситуация с субъектностью предстает главным образом как конструкция «субъекта эпохи модерна», историческое воплощение и потенциал которого соотносятся с условиями современной эпохи [Кимелев, Полякова, 2017]. Одним словом, указанная конструкция стала содержанием дискуссии, в которой представлены и многообразная критика, и попытки позитивного использования.

Человек эпохи модерна определяет себя, исходя из своей субъектности, он знает свой мир, его предметности и данности как определяемые им как субъектом. Нет другого отношения кроме отношения субъекта и объекта. Субъект занимает положение чего-то «надстоящего». Объектно противостоящее, предметное – это то, чем можно распоряжаться. Разумно мыслящий человек, опираю-

щийся на философское постижение и понимание мира, способен стать полновластным распорядителем судьбы мира и в первую очередь собственной судьбы.

Актуальная ситуация с субъектом – это ситуация оспаривания представления о субъекте как гаранте полной самопрозрачности и свободы. Модерновый субъект, как утверждается, определяется «присутствием» для самого себя [Кимелев, Полякова, 2017]. Но при подобном подходе возникают препятствия на пути усмотрения всех тех анонимных сил, которые за его спиной конституируют свершения и способ понимания субъектом своего существования – институтов, желаний. Становится невидимым анонимное развертывание смыслового процесса, который в действительности определяет жизнь человека. Проблематика субъекта – это традиционно и проблематика «трансцендентального субъекта» в контексте трансцендентал-философии.

На протяжении практически всего XX века осуществляется критика субъекта модерна [Кимелев, 2014, 2015, 2019а, 2019б; Кимелев, Полякова, 2017]. Основной смысл такой критики, если она осуществляется в контексте трансцендентал-философии, заключается в стремлении лишить этот субъект статуса субъекта, конституирующего реальность, в которой он существует. Фактически речь идет о деконструкции трансцендентального субъекта.

Критика субъекта может быть ориентирована либо на изменение статуса субъекта в трансцендентальной сфере, либо на устранение такой сферы в принципе. В одном случае речь идет, как правило, о демонстрации того, что субъект на самом деле есть нечто производное и зависимое, а не некая изначальная и базисная инстанция конституирования смысла того, что является и вообще конституирования реальности. Обосновывающая инстанция сама есть нечто обосновываемое. В другом случае мы имеем дело со стремлением к деконструкции самой трансцендентальной сферы. Современная критика субъекта связана с различными попытками реализовать подобное устремление.

В контексте дискуссии о субъекте, в центре которой находится теоретическая и идеолого-мировоззренческая конструкция «субъект эпохи модерна», оказались вовлечены и обсуждения столь значимых философско-антропологических атрибутов, как социальность и историчность. Стремление к постижению этих атрибутов в

современной философской антропологии не ограничивается указанной дискуссией. В ее рамках на передний план вышло обсуждение следующего обстоятельства. Признание «субъекта модерна», какие бы формы такое признание не принимало, означает признание социальной агентности как субъектности, признание возможности контроля над социальным процессом.

Важнейшей характеристикой актуальной ситуации осмысления и разработки проблематики субъекта следует считать попытки ответить на критику, а также синтезировать элементы традиционного понимания субъекта модерна. Результатом подобных усилий должна стать концептуализация «субъекта», отчасти восстановливающая содержание конструкции «субъект эпохи модерна», отчасти дополняющая это содержание за счет учета нового научного и философского знания, а также учета новых социально-исторических обстоятельств.

Подобная концептуализация субъектности должна учитывать ряд общих философско-антропологических положений, указывающих на условия возможности реализации субъектности как потенциала человека. Кроме того, реализация субъектности предполагает учет того, что накапливалось и передавалось посредством языка, коллективной памяти, вообще посредством коллективного опыта человечества.

Список литературы

- Кимелев Ю.А. Западная метафизика конца XX – начала XXI века. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – 94 с.
- Кимелев Ю.А. Итальянская философия на рубеже XX–XXI вв. – Москва : ИНИОН РАН, 2019а. – 106 с. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/4894/2019_ao_ital_ianskaia_filosofii.pdf
- Кимелев Ю.А. Современная философская онтология. – Москва : ИНИОН РАН, 2015. – 99 с.
- Кимелев Ю.А. Философская антропология и метафизика. История и современность. – Москва : ИНИОН РАН, 2019б. – 91 с. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/4011/2019_ao_filosofskaiia_antropologija.pdf
- Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. – Москва : Практис, 2017. – 491 с.
- Apel K.-O. Kann es in der Gegenwart ein postmetaphysisches Paradigma der Ersten Philosophie geben? // Philosophie der Gegenwart – Gegenwart der Philosophie / Schnädelbach H., Keil G. (Hg.). – Hamburg : Junius, 1993. – S. 41–71.

- Aubenque P.* Faut-il déconstruire la métaphysique? – Paris : Presses universitaires de France, 2009. – 91 p.
- D'Agostini F.* Breve storia della filosofia nel Novecento. – Torino : Einaudi, 1999. – XXXVIII. – 311 p.
- Habermas J.* Metaphysik nach Kant // Theorie der Subjektivität / Hrsg. von Cramer et al. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1987. – S. 425–443.
- Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1992. – 286 S.
- Honnefelder L.* Der zweite Anfang der Metaphysik: Voraussetzungen, Ansätze und Folgen der Wiederbegründung der Metaphysik im 13/14 Jahrhundert // Philosophie im Mittelalter. – Hamburg : Meiner, 1987. – S. 165–186.
- Honnefelder L.* Scientia Transcendens. – Hamburg : Meiner, 1990. – 515 S.
- La filosofia italiana nel Novecento / A cura di O. Grassi e M. Marassi. – Milano ; Udine : Mimesis, 2015. – 311 p.
- McGinn C.* The mysterious flame. – London : Basic books, 1999. – 208 p.
- Metaphysikkritik // Historishes Wörterbuch der Philosophie in 13 Bd. – Basel ; Stuttgart : Schwabe u Co AG Verl, 1980 – Bd. 5. – S. 1280–1294.
- Possenti V.* Nichilismo e metafisica. – Roma : Armando, 2004. – 464 p.
- Rorty R.* Non-reductive physicalism // Theorie der Subjektivität / Hrsg. K. Cramer et al. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1987. – S. 278–298.
- Rorty R.* Philosophy and the mirror on nature. – Princeton : Princeton University press, 1979. – 402 p.
- Scnädelbach H.* Philosophie in Deutschland. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1983. – 337 S.
- Severino E.* Essenza del nichilismo. – Brescia : Paideia, 1972. – 491 p.
- Severino E.* Intorno al senso del nulla. – Milano : Adelphi, 2013. – 211 p.
- Severino E.* La potenza del errare. – Milano : DUR, 2014. – 356 p.
- Tessitore F.* Critica dello storicismo e nuova storia della cultura // Filosofi italiani contemporanei / a cura di G. Ricanda e C. Ciancio. – Milano : Mursia, 2013. – P. 353–373.
- Topitsch E.* Erkenntnis und Illusion. – Tübingen : Mohr., 1988. – 314 S.
- Vattimo G.* Dal pensiero debole al pensiero dei deboli // Filosofi italiani contemporanei / a cura G. Riconda e C. Ciancio. – Milano : Mursia, 2013. – P. 374–380.
- Vattimo G.* Della realtà. – Milano : Garzanti, 2012. – 234 p.
- Vattimo G.* La fine della modernità. – Roma : Garzanti, 1999. – 192 p.
- Vattimo G.* Vocazione e responsabilità del filosofo. – Genova : Il Melangolo, 2000. – 142 p.
- Volpi F.* Il nichilismo. – Roma – Bari : Laterza, 2004. – 217 p.

References¹

- Kimelev, Y.A. (2014). *Zapadnaja metafizika konca XX – nachala XXI veka* [Western metaphysics of the late-early XXI century]. Moscow: INION RAN.
- Kimelev, Yu.A. (2019). *Italyanskaya filosofiya na rubezhe XX–XXI veka* [Italian philosophy at the boundary of the XX–XXI centuries] Moscow: INION RAN.
- Kimelev, Y.A. (2015). *Sovremennaja filosofskaja ontologija* [Modern philosophical ontology]. Moscow: INION RAN.
- Kimelev, Y.A. (2019). *Filosofskaja antropologija i metafizika* [Philosophical Anthropology and Metaphysics]. Moscow: INION RAN.
- Kimelev, Yu.A., Polyakova, N.L. (2017). *Modern i prozess individualizazii: istoricheskie sud'by individa moderna* [Modernity and the process of individualization: the historical fate of the Modern individual] Moscow: Praksis.
- Apel, K.-O. (1993). Kann es in der Gegenwart ein postmetaphysisches Paradigma der Ersten Philosophie geben? In Schnädelbach, H., Keil, G. (Hg.). *Philosophie der Gegenwart – Gegenwart der Philosophie* (ss. 41–71). Hamburg: Junius.
- Aubenque, P. (2009). *Faut-il déconstruire la métaphysique?* Paris: Presses universitaires de France.
- D'Agostini, F. (1999). *Breve storia della filosofia nel Novecento*. Torino: Einaudi.
- Habermas, J. (1987). Metaphysik nach Kant. In Hrsg. von Cramer et al. *Theorie der Subjektivität* (ss. 425–443). Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas, J. (1992). *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Honnefelder, L. (1987). Der zweite Anfang der Metaphysik: Voraussetzungen, Ansätze und Folgen der Wiederbegründung der Metaphysik im 13/14 Jahrhundert. In *Philosophie im Mittelalter* (ss. 165–186). Hamburg: Meiner.
- Honnefelder, L. (1990). *Scientia Transcendens*. Hamburg: Meiner.
- La filosofia italiana nel Novecento*. A cura di O. Grassi e M. Marassi. (2015). Milano; Udine: Mimesis.
- McGinn, C. (1999). *The mysterious flame*. London: Basic books.
- Metaphysikkritik. (1980). In *Historishes Wörterbuch der Philosophie* in 13 Bd, 5, 1280–1294.
- Possenti, V. (2004). *Nichilismo e metafisica*. Roma: Armando.
- Rorty, R. (1987). Non-reductive physicalism. In Hrsg. K. Cramer et al. *Theorie der Subjektivität* (ss. 278–298). Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Rorty, R. (1979). *Philosophy and the mirror on nature*. Princeton: Princeton University press.
- Schnädelbach, H. (1983). *Philosophie in Deutschland*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Severino, E. (1972). *Essenza del nichilismo*. Brescia: Paideia.
- Severino, E. (2013). *Intorno al senso del nulla*. Milano: Adelphi.
- Severino, E. (2014). *La potenza del errare*. Milano: DUR.

¹ Здесь и далее библиографические записи в References оформлены в стиле American Psychological Association (APA) 6th edition.

- Tessitore, F. (2013). Critica dello storicismo e nuova storia della cultura. In *Filosofi italiani contemporanei*, a cura di G. Ricanda e C. Ciancio (pp. 353–373). Milano: Mursia.
- Topitsch, E. (1988). *Erkenntnis und Illusion*. Tübingen: Mohr.
- Vattimo, G. (2013). Dal pensiero debole al pensiero dei deboli. In *Filosofi italiani contemporanei*, a cura G. Riconda e C. Ciancio (pp. 374–380). Milano: Mursia.
- Vattimo, G. (2012). *Della realtà*. Milano: Garzanti.
- Vattimo, G. (1999). *La fine della modernità*. Roma: Garzanti.
- Vattimo, G. (2000). *Vocazione e responsabilità del filosofo*. Genova: Il Melangolo.
- Volpi, F. (2004). *Il nichilismo*. Roma-Bari: Laterza.

Об авторе

Кимелев Юрий Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела философии, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

About the author

Kimelev Yury Anatolievich – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences